

Глава VI

«ВИЦЕ-КОРОЛЬ» СТАЛИНА НА УКРАИНЕ: 1938—1941

«Мы хотим послать вас на Украину, чтобы вы возглавили там партийную организацию. Косиор перейдет в Москву к Молотову первым заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров и председателем Комиссии советского контроля».

Такими словами Сталин в конце 1937 года сообщил Хрущеву об очередном повышении. Вот как описывает Хрущев свою реакцию на это предложение:

«Я стал отказываться, так как знал Украину и считал, что не справлюсь: слишком велика шапка, не по мне она. Я просил не посылать меня, потому что не подготовлен к тому, чтобы занять такой пост. Сталин начал меня подбадривать. Тогда я ответил: “Кроме того, существует и национальный вопрос. Я человек русский: хотя и понимаю украинский язык, но не так, как нужно руководителю. Говорить на украинском я совсем не могу, а это тоже имеет большой минус. Украинцы, особенно интеллигенция, могут принять меня холодно, и я бы не хотел ставить себя в такое положение”.

Сталин: “Нет, что вы! Косиор — вообще поляк. Почему поляк для украинцев лучше, чем русский?”

Я ответил: “Косиор — поляк, но он знает украинский язык и может выступать на украинском языке, а я не могу. Кроме того, у Косиора больше опыта”.

Однако Сталин уже принял решение и твердо сказал, что я должен работать на Украине.

“Хорошо, — ответил я, — постараюсь все сделать, чтобы оправдать доверие”».

Хрущев получил не только пост главы компартии Украины (точнее, «исполняющего обязанности»), но и должности руководителя Киевского горкома и облисполкома.

«Это было просто невысказано. Но Сталин сказал: “Подберите людей себе в помощь”»¹.

Мог ли Хрущев, обуруемый необузданными амбициями, упустить шанс стать руководителем региона, в котором жил и работал много лет? Однако его сомнения в себе, хотя и преувеличенные с целью произвести впечатление на Сталина, также были реальны. Не говоря уж об опасности (о которой он, конечно, в разговоре со Сталиным не упоминал) пополнить собой все удлиняющийся список украинских партийных лидеров, сложивших голову на плахе.

Хрущев приехал в Киев в январе 1938 года. В последующее десятилетие он часто бывал в Москве на заседаниях Политбюро и других встречах и только в конце 1949-го вернулся в Москву в качестве вновь назначенного секретаря ЦК, на этот раз — насовсем. К тому времени он стал самостоятельнее, освободился от влияния Сталина и утратил многие свои иллюзии. Больше всего изменила Хрущева война. Однако начались эти изменения на Украине в три предвоенных года.

Ключом к обретению Хрущевым независимости — и, парадоксально, к увеличению эффективности его работы — стала удаленность от Москвы. Разумеется, никто из сподвижников Сталина — тем более его «вице-король» на Украине — не мог действовать, не сообразуясь с центром. Однако удаленность Киева позволяла предаться тому, что на советском бюрократическом жаргоне называлось «местничеством». Хрущев полагал, что знает Украину лучше, чем знают ее в Кремле. Постепенно он начал видеть в новом свете не только людей, окружающих Сталина, но и самого вождя.

Удаленность от Москвы позволила Хрущеву разработать собственный стиль руководства, наиболее отвечающий его дарованиям. Он «ни на кого не был похож», — рассказывает о нем Василий Костенко, комсомольский функционер, работавший в Киеве под началом Хрущева. Он «знал жизнь», знал «конкретные дела», «умел к каждому подходить». Знал, с кем можно шутить, а кого — молодых людей, вроде Костенко, — шутки начальства смущают. «Бесстрашный» человек и «замечательный руководитель»².

Вернувшись в Киев, Хрущев узнал много нового о коллективизации, голоде и терроре, свирепствовавшем на Украине. Во время поездки в Петрово-Марьянский район, где он работал в 1925 году, Хрущев открыто интересовался судьбой крестьян, с которыми дружил в то время, включая и кулаков, с которыми он тогда был в хороших отношениях. «Бо-

ялся, что их раскулачили, — рассказывал Захар Глухов, в 1938 году занявший пост первого секретаря местного райкома. — С Хрущевым можно было говорить откровенно. У него был друг по имени Гомля, с которым они прежде были неразлучны, — этого человека Хрущев очень уважал и спрашивал его обо всем, что здесь происходило»³.

Когда Хрущев приехал в Киев, украинских должностных лиц всех родов и специальностей косили репрессии. Компартия Украины была буквально обезглавлена: на заседаниях ЦК невозможно было собрать кворум. В тюрьме оказались и несколько преподавателей Сталинского металлургического института, которых Хрущев «очень уважал». Одного из них Хрущев встретил позже: «Однако это был уже не прежний Герчиков, а его тень. Я спросил: “Как поживаете?” Он выглядел мрачным, замкнутым. Буркнул, что плохо, что был арестован. Потом уже другие люди рассказали, что его страшно избивали, он лишился здоровья и в скором времени умер»⁴.

Впечатлением от таких встреч можно объяснить редкие случаи, когда Хрущев делился своими сомнениями и разочарованиями со старыми друзьями. Однако тот же Хрущев председательствовал на «чистках», которые с его появлением на Украине только усилились. В 1938 году было арестовано 106 тысяч 119 человек, с 1938-го по 1940-й — в общей сложности 165 тысяч 565. Если верить Молотову (свидетелю едва ли объективному, но прекрасно информированному), Хрущев, «будучи членом [украинской] тройки, 54 тысячи человек приговорил». Хрущев неоднократно произносил кроваво-жесткие речи, и нам известен по крайней мере один случай, когда он собственноручно написал на рапорте «Арестовать», предрешив судьбу одного из высших комсомольских лидеров Украины⁵.

Здесь, как и в Москве, Хрущева вдохновляла вера в советскую систему. Руководитель региона, соразмерного крупной европейской стране, он убедил себя, что лишь от него зависит благосостояние местных жителей, и с обычной своей энергией взялся за руководство промышленностью, сельским хозяйством и культурой. Разумеется, преследовал он и собственные интересы. У Хрущева было уже пятеро детей, не говоря о других родственниках, также проживавших в Киеве. Все они наслаждались благами, о которых прежде им даже и помыслить было трудно. Неудивительно, что Хрущевым владел страх за себя и семью. Его предшественники потеряли всё: погибли и жены их, и дети. И в то же время, как ни парадоксально это звучит, Хрущев переживал, быть мо-

жет, лучшую пору своей жизни. Над ним не было больше неусыпных надзирателей, он мог действовать по своему усмотрению, постоянно ощущал одобрение и поддержку Сталина, и каждый собственный успех, как и каждая чужая ошибка (в том числе и ошибки самого Сталина) добавляли ему уверенности в себе.

В конце тридцатых годов наряду с проблемами, общими для всего СССР, Украина переживала и проблемы особого рода, связанные как с ее весомым положением среди союзных республик (в негласной «табели о рангах» Украина занимала второе место после России), так и со сложным вопросом украинского национализма.

Украинский национализм зародился и развился в XIX веке: падение империи дало ему новый толчок, позволив националистически настроенной местной интеллигенции мечтать о независимой Украине. Стремясь удержать Украину под контролем, а также в связи со своим идеологическим неприятием великорусского шовинизма, Ленин принял в качестве лидеров компартии Украины людей националистически настроенных, таких, как Панас Любченко и Григорий Гринько (оба погибли во время Большого Террора). Другие ведущие украинские коммунисты, такие, как Николай Скрыпник, оспаривали договор 22 декабря 1922 года, согласно которому Украина вошла в состав СССР на правах формально независимой, но реально подчиненной центру республики. Советский Союз был создан, несмотря на возражения националистов; однако и после этого Скрыпник и председатель Совнаркома Украины Влас Чубарь сопротивлялись попыткам Москвы взять экономическую жизнь республики под свой контроль.

Украинские «национал-коммунисты» не сумели отстоять политическую самостоятельность республики, однако в вопросах культурной самостоятельности — так называемой украинизации культурной жизни — Москва их некоторое время поддерживала. Украинизация была частью обширной кампании по внедрению на национальных окраинах России коммунистических идей, задрапированных в одеяния местных языков и культур. Она предполагала выдвижение украинцев на ответственные партийные и государственные посты, признание украинского языка государственным, обязательным для госучреждений, продвижение украинского языка в школах, усиленное развитие украинской литературы, искусства, историографии.

Сталину идея украинизации не нравилась с самого начала — об этом свидетельствует назначение первым секретарем ЦК КП(б)У в 1925 году Лазаря Кагановича. К 1928 году Каганович так настроил против себя таких, как Гринько и Чубарь, что они подали жалобу Сталину, и тот заменил Кагановича Косиором⁶.

По иронии судьбы, отзыв Кагановича знаменовал собой начало конца украинского «национал-коммунизма». Весной 1930 года прошла серия процессов над беспартийными украинскими националистами, к тому времени еще довольно влиятельными. Напряжение возросло в результате коллективизации и ее следствия — голода, достигшего апогея в 1933 году⁷. Теперь даже коммунисты-сталинисты, до сих пор верно исполнявшие ужасные приказы своего вождя, начали сомневаться в его правоте. Вот почему Сталин отправил в Киев Павла Постышева с приказом заменить нелояльных коммунистов-украинцев надежными русскими кадрами⁸. Скрыпник, на протяжении лета 1933 года жестоко атакуемый партийной прессой, в июле покончил с собой. Его сторонники из числа интеллигенции были «разоблачены», объявлены членами подпольной «Украинской военной организации» и осуждены на показательных процессах⁹.

Как и в Москве, воцарилось затишье перед бурей 1937 года. В начале этого года подвергся опале сам Постышев — из Киевской парторганизации были исключены его сторонники. Затем Сталин заявил, что некая женщина по фамилии Николаенко, «верный член партии... обычный “маленький” человек», обнаружила в Киеве «троцкистских вредителей», но, когда попыталась их разоблачить, была «выгнана [из Киевской парторганизации] как надоедливая муха». Москва провела свое расследование, продолжал Сталин, и «оказалось, что Николаенко права, а партийная организация ошибалась»¹⁰.

В марте 1937 года партийный комитет Украины освободил Постышева от занимаемой должности. Атаку на своего бывшего заместителя возглавил сам Косиор¹¹. Любченко оставался на свободе до августа, когда ЦК КП(б)У проголосовал за исключение его из партии и санкционировал его арест. Всего несколькими неделями ранее Хрущев возил Любченко, Косиора и Постышева по Москве на сталинском автомобиле. «Отношения между нами были самые крепкие, партийно-товарищеские», — вспоминал Хрущев¹². А 30 августа Любченко застрелил свою жену, а затем покончил с собой, и в тот же день в Москве был арестован Гринько, в то время — нарком финансов СССР. Косиор, которого сменил

Хрущев на Украине, вместе со своим бывшим киевским коллегой Чубарем был временно переведен в Москву. Его арестовали в конце апреля 1938 года, и широкая публика узнала об этом лишь по тому, что киевская радиостанция, которая раньше носила имя Косиора, стала называться просто «Киевское радио». В июне Чубарь был снят со своего поста, отправлен работать на Урал и там через некоторое время арестован. Суд над Косиором и Чубарем состоялся в феврале 1939-го. 26 февраля, «признавшись» во всем, в чем их обвиняли, они вместе с Постышевым были расстреляны. Казнены были и выжившие братья Косиора (один из братьев до этого покончил с собой, другого расстреляли еще раньше) и его жена Елизавета. Расстреляли и старшего сына Постышева, а других детей отправили в лагеря. Жена его подверглась пыткам и, по-видимому, также была расстреляна. Погибла и жена Чубаря¹³.

Как видим, Хрущеву было чего бояться. Он знал лишь один способ избежать судьбы своих предшественников — исполнять указания Сталина еще ревностнее, чем они. «После того как на Украину приехал верный сталинец Никита Сергеевич Хрущев, мы начали всерьез расправляться с врагами народа», — утверждал шеф украинского НКВД Александр Успенский¹⁴. Разумеется, у него были резоны лстыть Хрущеву; напротив, уверяют защитники Хрущева, после появления последнего на Украине обороты маховика репрессий снизились. Ход репрессий во всех подробностях нам не известен, но общие закономерности ясны. Арестованы были все (кроме одного) члены Политбюро, Оргбюро, Секретариата КП(б)У. Все украинское правительство было заменено полностью, как и первые и вторые секретари во всех двенадцати областях Украины и почти во всех корпусах и дивизиях Красной Армии. Из 86 членов ЦК, избранных в июне 1938 года, лишь трое сохранили за собой эти места с предыдущего года. В Киеве была осуждена половина членов партии, в одном из районов города — даже 63 %. Лишь начиная с июня 1938 года масштабы репрессий начали понемногу уменьшаться. В 1939-м были арестованы 12 тысяч человек, в 1940-м — около 40 тысяч¹⁵.

Хрущев распорядился, чтобы его речи на съездах КП(б)У и пленумах ЦК не включались, как обычно, в стенографические отчеты, а хранились в специальном, секретном архиве партаппарата. Перед своим возвращением в Москву в декабре 1949-го он приказал перевезти в столицу все эти

материалы (составившие в общей сложности 52 листа). Судьба этих документов показывает, что Хрущеву было что скрывать — а сохранившиеся выдержки из них объясняют, что именно.

«Мы должны вести решительную борьбу с врагами, провокаторами и клеветниками, — говорил он в июне 1938 года на XIV съезде КП(б)У. — До сих пор борьба велась слишком вяло. Мы должны... безжалостно расправляться со шпионами и предателями. Надо с ними покончить»¹⁶. А следующей весной в Москве он хвастал, что уже в первый свой год на Украине «раздавил гадину».

Хрущев подписывал множество ордеров на аресты партийных и комсомольских функционеров. Сам он никогда в этом не признавался, но об этом свидетельствовал будущий руководитель украинского комсомола¹⁷, да и в мемуарах самого Хрущева можно найти этому косвенные подтверждения: «Руководители такого даже, как я, довольно высокого положения (я в то время был уже членом Политбюро) оказывались в полной власти документов, представленных работниками НКВД, которые определяли судьбу и того или иного члена партии, и беспартийного»¹⁸. «В полной власти» — по-видимому, означает и то, что Хрущеву приходилось эти документы подписывать.

Одной из невинных жертв, к чьей гибели приложил руку Хрущев, стал Степан Иванович Усенко, двадцатидевятилетний чиновник, арестованный 14 ноября 1938 года по ордеру НКВД, помеченному предыдущим числом. Обвиняемый в руководстве «контрреволюционной право-троцкистской организацией», он сперва отрицал свою вину, но затем во всем «признался». Усенко отправил Хрущеву письмо, написанное от руки на семи страницах, где, признавая свою вину, молил о помиловании, указывая, что он еще молод и раскаивается в содеянном — однако 7 марта 1939 года он был расстрелян. На допросах из Усенко выбили, среди прочего, признание в подготовке покушения на Хрущева. Это — ложь; а правда в том, что на рапорте от 13 ноября, суммирующем «улики» против Усенко, стоит размашистая, в сталинском стиле, резолюция: «Арестуйте его! 18/11/38. Н. Хрущев»¹⁹.

Итак, Хрущев верой и правдой служил делу террора; правда, сомнения его не только не рассеивались, но пробуждали иные, более сильные чувства. Во время первой своей поездки в Сталино в апреле 1938 года он навестил старого

друга Илью Косенко. Косенко, живший здесь с дореволюционных времен, выбрал в жизни иную дорогу. В свое время родители Хрущева ставили ему в пример тихого мальчика Илью, певшего в церковном хоре, и расхваливали его сестру Лушу. После революции Хрущев убедил Илью вступить в партию, однако, когда от него потребовали участвовать в раскулачивании, Косенко из партии вышел. Его дочь Ольга позже вспоминала, что, когда она спросила отца, почему его не коснулся террор, унесший жизни стольких коммунистов, тот ответил: «Потому что я вовремя положил партбилет на стол — вот почему!»²⁰

Весенним днем 1938 года Косенко возился у себя в саду за домом, когда к дому, вздымая клубы пыли, с рычанием подкатили семь черных лимузинов. Высыпавшие из них охранники двумя рядами выстроились у крыльца. Из одной машины вышел Хрущев. Увидев маленькую Ольгу, он позвал ее: «Ты дочка его, что ли? Позови-ка отца».

— Папа, беги, тебя арестовывать приехали! — закричала девочка.

Бледный, с дрожащими руками вышел Косенко навстречу высокому гостю — и узнал в нем старого друга. Вместе с несколькими помощниками и охранниками Хрущев вошел к нему в дом.

— Ну, расскажи, как ты, — попросил он.

— А что рассказывать-то? — отвечал Косенко.

— Как живешь? Что нового?

Ольга вспоминает, что, наклонившись к Хрущеву, ее отец прошептал:

— Не о чем мне говорить. Будь ты один — рассказал бы. А так ты укажишь, а меня заберут. И ты даже не узнаешь, что со мной стало.

Два года спустя Хрущев появился здесь снова. Теперь с ним был лишь один телохранитель, который остался у дверей.

— Брось дурить, — сказал Хрущев Косенко, — вступай в партию. Я возьму тебя с собой в Киев. Пора дать твоим ребятам образование.

— Нам с тобой никто образования не давал, — ответил Косенко. — Сами взяли. И они сами возьмут. А я никуда отсюда не уеду и в партию — такую, как сейчас — вступать не стану. Это все равно что в дерьмо вступить. Настоящую партию, ту, в которую мы оба вступили когда-то — партию Якира, Тухачевского, Кирова, — вы уничтожили.

Хотя двое старых друзей когда-то и были очень близки друг с другом, такая откровенность могла обернуться для Косенко большой бедой. Однако Хрущев ответил:

— Ты меня этим не попрекай, я был к этому непричастен. А я когда смогу, когда это будет в моей власти и силах, рассчитаюсь с этим Мудакшвили сполна. Я ему никого не прощу — ни Кирова, ни Якира, ни Тухачевского, ни самого простого работягу и крестьянина.

Хрущев, разумеется, имел в виду Сталина, настоящая фамилия которого — Джугашвили. Когда он уехал, Ольга, которой тогда было 12 лет, спросила у отца, о чем они говорили.

— Ты что, все слышала? Ну смотри, если скажешь хоть одному человеку, хоть одно слово, и его [Хрущева], и меня расстреляют²¹.

Ясно, что в разговоре со старым другом Хрущев стремился обелить себя и возложить всю вину на других; но поражает то, что он вообще счел нужным встречаться с Косенко и оправдываться перед ним.

Состоялась у Хрущева и встреча с еще одним старым другом — Петром Коваленко, с которым он был близок в двадцатых. Позже тот был арестован и заключен в тюрьму, затем выпущен на свободу. Весной 1939 года Хрущев принял Коваленко у себя в кабинете, расспрашивал его об аресте, попросил описать побои, которым его подвергали, чтобы вынудить сделать «признание». Когда Коваленко закончил, Хрущев, казалось, был потрясен услышанным.

— Ты думаешь, Петр, я понимаю, что происходит в стране?! — воскликнул он. — Ты думаешь, я понимаю, почему я сижу в кабинете первого секретаря ЦК КП(б)У, а не в камере на Лубянке или Лукьяновке?!²²

Беседа Хрущева с Петром Коваленко проходила в здании ЦК компартии, где у стен, конечно, были уши. Последняя фраза несколько смягчила тон высказывания Хрущева и сделала его более «безопасным»; однако и первые фразы звучали не так рискованно, как могло показаться. В 1939 году даже Сталин признавал, что во время чисток было арестовано много невинных людей — хотя и объяснял это тем, что в органы проникли «враги народа», использовавшие свое положение для уничтожения верных партии лиц²³.

«Порой, — вспоминал Хрущев, — Сталин высказывал трезвые суждения об арестах и несколько раз осуждал их в разговорах со мной с глазу на глаз». Но чаще казалось, что все и каждый, включая и Сталина, охвачены какой-то паранойей. «Началась буквально резня, — писал Хрущев в своих воспоминаниях. — Во имя класса, во имя победы и закрепления победы пролетариата рубили головы, и кому? Тем же рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции...

Мне трудно объяснить все действия Сталина, его побуждения»²⁴.

Подчеркивая иррациональность Большого Террора, Хрущев дистанцируется от него. Всеобщее помрачение рассудка — удобное объяснение тому, почему хорошие люди «ни с того, ни с сего» сделались плохими. Ежов, при первой встрече в 1929-м показавшийся Хрущеву «простым человеком, бывшим петербургским рабочим», теперь «совершенно потерял человеческий облик»²⁵. И другие офицеры НКВД, «не обязательно жестокие люди», превратились в «машину... руководствуясь мыслью: если я этого не сделаю, то это же мне сделают вскоре другие; лучше я сам это сделаю, чем это сделают надо мной»²⁶.

Хрущев не желал признавать, что так же рассуждал и сам. Однако его рассказ о шефе украинского НКВД Успенском ясно показывает, насколько вовлечен был Хрущев в кошмарно-гротескный процесс Большого Террора. Когда Хрущев приехал в Киев, Успенский «буквально завалил ЦК докладными записками о врагах народа». Но однажды Хрущеву позвонил Сталин, упомянул какие-то неназванные «показания», доказывающие вину Успенского, и спросил:

— Вы можете арестовать его?

— Можем.

— Но это вы сами должны сделать.

Сперва Хрущев не расслышал фамилию и подумал, что речь идет о другом человеке, — впрочем, добавляет он, «и на него имелись показания». Но в конце концов Хрущев разобрался, о ком речь, и уже готов был арестовать Успенского, как вдруг Сталин отозвал свой приказ. Планы изменились, сказал он, он вызовет Успенского в Москву и арестует по дороге. Трудно сказать, почему он решил, что Успенский попадется на эту старую уловку. Успенский не попался: он сбежал, оставив фальшивую «предсмертную» записку о том, что бросается в Днепр. Водолазы из НКВД обшарили весь Днепр, но не нашли ничего, кромедохлой свиньи. А Успенский в конце концов получил то, что заслужил. Пять месяцев он провел в бегах, но потом, рассказывает Хрущев, «поймали Успенского в Воронеже»²⁷.

Вскоре после переезда в Киев беда едва не разразилась с самим Хрущевым. Человек, которого он привез с собой из Москвы и сделал украинским наркомом торговли, которого «уважал и доверял ему», был арестован. Вскоре Лукашова отпустили — это успокоило Хрущева, но ненадолго, лишь до разговора с подчиненным. Лукашов рассказал, что его «били нещадно и пытали», пытаясь добиться от него показа-

ний... на самого Хрущева! Обвинения в том, что Хрущев якобы отправил Лукашова в заграникомандировку для установления связей с белогвардейскими организациями, были смехотворны (на самом деле Лукашов закупал за границей семена лука и других овощей) — но не смехотворнее прочих подобных обвинений, по которым погибли уже сотни людей. Согласно Хрущеву, его друг «оказался крепким человеком, отчего и остался в живых». Ничего не добившись, его отпустили — случай несчастный. Сам Хрущев тоже проявил редкую смелость — обратился к Сталину и рассказал ему обо всем.

— Да, — спокойно ответил тот, — это все чекисты стали делать, туда тоже затесались враги народа и подбрасывают материал, вроде бы кто-то им дал показания. И на меня есть показания, что тоже имею какое-то темное пятно в своей революционной биографии²⁸.

Заговорив об этом первым, Хрущев доказал Сталину, что ему нечего скрывать: подозрительный тиран любые проявления страха и неуверенности воспринимал как доказательства вины. Казалось бы, этот случай должен был ясно показать Хрущеву, что в мясорубке НКВД гибнет множество невинных людей. Возможно, так оно и было: но «на публику» Хрущев продолжал заявлять, что несправедливые аресты случайны и подстраиваются проникшими в органы «врагами народа».

Об этом Хрущев говорил в своем выступлении на XIV съезде компартии Украины: «Товарищи, мы должны разоблачать врагов народа и беспощадно с ними бороться. Но нельзя позволить, чтобы от этого пострадал хоть один честный большевик. Будем вести борьбу с клеветниками». Один из таких клеветников, добавляет Хрущев, направил в местные партийные органы такую просьбу: «В борьбе с врагами я подорвал здоровье и прошу дать мне возможность отдохнуть в курортных условиях». (*Смех в зале.*)²⁹ На XV съезде, состоявшемся в 1940 году, Хрущев повторяет это предупреждение: «Клеветники крадутся темными переулками и делают свою грязную работу. Много ума для этого не требуется. Просто записываешь фамилии в записную книжку и идешь по ней, пока не пройдешь весь алфавит от А до Я». (*Смех в зале.*)³⁰

Едва ли подобные слова могли послужить компенсацией за активно раздуваемое Хрущевым пламя страха³¹. Впрочем, в своих воспоминаниях он приводит и примеры «добрых дел» — например, случай, когда он усомнился в представленных НКВД материалах на одного киевского партийного деятеля и добился свидания с узником — увы, слишком

поздно, ибо этот человек уже мог лишь покорно повторять «признания», навязанные ему палачами. Однако Хрущев сумел спасти другого подозреваемого, взятого по связанному с этим делу. «Меня не оставляла мысль, что все-таки что-то здесь неладно»³².

Разумеется, несколько случаев «добрых дел», о которых Хрущев рассказывает в своих мемуарах, мизерны по сравнению с десятками отправленных на смерть людей, о которых он умолчал. Так или иначе, он убедил самого себя, что помогает беззащитным, и это убеждение помогло ему пройти через страшные годы террора, хотя бы отчасти сохранив уважение к себе и силы жить дальше.

Назначая Хрущева на Украину, Сталин знал о «слабости» своего протеже к «городскому хозяйству и промышленности» и предупредил, чтобы тот «не увлекался Донбассом» и «больше внимания обращал на сельское хозяйство». «Такой линии я и придерживался, — пишет Хрущев, — хотя мне это было нелегко, потому что я чувствовал тягу к промышленности, а особенно к углю, машиностроению и металлургии... Я стал больше заниматься сельским хозяйством, деревней, ездить по Украине, искать передовых людей, слушать их и учиться у них»³³.

Первым делом Хрущев постарался найти себе помощника, который мог бы все свое время посвящать сельскому хозяйству. Он выбрал Андрея Шевченко из киевского Института земледелия. Двадцативосьмилетний Шевченко доказал, что способен трудиться без усталости, изо дня в день, и был взят на работу. Хрущев, вспоминая Шевченко, уже понял, что система управления сельским хозяйством нуждается в изменениях: меньше указаний сверху, больше решений, принимаемых самими колхозниками. Однако прежде, чем убеждать в этом Москву, Хрущев отправил Шевченко опробовать эту идею на самих крестьянах.

«Не приезжай на машине, — наставлял его Хрущев. — Явись в деревню пешком, чтобы мужики видели: ты — такой же, как они. Ты вроде не куришь? Все равно, возьми с собой табак: почти все мужики курят, а тебе нужно расположить их к себе, чтобы они раскрылись. Не засыпай их всякой бюрократией. Дай им подумать. Просто аккуратно спроси, как бы они отнеслись, если бы не получали план сверху от Сталина, а разрабатывали сами. Не торопись, не навязывай им своих мыслей, посмотри, смогут ли они планировать сами».

Шевченко вернулся в Киев с готовой схемой реформы. Хрущев поработал над ней еще несколько дней, а затем представил ее в Москву. Вместе с Шевченко он изложил свою идею Сталину, который поначалу ее отверг: «Если мы сделаем, как вы говорите, они перестанут сажать свеклу. Сахарную свеклу растить тяжело, и доход от нее небольшой, так что они ее растить не будут. Перейдут на овес». Хрущев уверял, что крестьянам можно доверять; Сталин отвечал на это, что Хрущев «несет чушь», что без дисциплины и принуждения сверху «все развалится». В конце концов Сталин согласился ввести некоторые изменения, но только на Украине: колхозам разрешили принимать свой план на некоторые культуры (рожь, овес, ячмень и просо); на все остальное план по-прежнему спускался сверху. «Мало будет ржи — кого-то посадим, — проворчал Сталин. — Если они не станут сеять рожь, отвечать будешь ты».

Хрущев создал специальный комитет по развитию скотоводства и поручил драматургу Александру Корнейчуку написать пьесу о дальновидном председателе колхоза. Кроме того, он попытался реорганизовать систему оплаты труда так, чтобы колхозник, больше работающий и больше производящий, получал большую плату — реформа, аналогичная той, которую он ввел уже после смерти Сталина³⁴. Хрущев, много времени проводивший в сельской местности и хорошо знавший реальные условия крестьянского труда, лучше других советских вождей понимал истинные нужды и интересы колхозников.

В 1940-м он приехал в Петрово-Марьинский район, где в 1925 году был секретарем местной партиячейки. Человек, ныне занимавший этот пост, Захар Глухов ожидал появления Хрущева с целой свитой — но тот приехал с одним помощником и водителем. Первым на глаза ему попался пьяный председатель колхоза. Хрущев вспылил, но, успокоившись, начал сочувственно расспрашивать об ужасных условиях жизни и труда, толкающих крестьян к пьянству. Именно во время этого визита он спрашивал о том, выжили ли кулаки, которых он знал в двадцатых. Хрущев произвел на Глухова самое благоприятное впечатление: «Простой и прямой. Поговоришь с ним пять минут — и уже кажется, что знаешь его всю жизнь, что с ним можно говорить обо всем»³⁵.

В апреле 1938 года первый секретарь Украины нанес визит еще в одно памятное место — сталинский техникум. В это время большинство студентов были на занятиях, однако, услышав о его приезде, высыпали в коридор и приветствовали его аплодисментами. Хрущев прикинулся рассерженным, вы-

говорил ректору за то, что тот позволяет срывать занятия, но согласился выступить перед студентами и преподавателями. Как обычно, говорил он без бумажки и быстро установил контакт с аудиторией. Большую часть студентов, вспоминал позже один из них, волновали прежде всего репрессии, в результате которых техникум лишился многих преподавателей. Хрущев, однако, заговорил об угрозе со стороны нацистской Германии и о бдительности против внутренних врагов; говорил очень просто, «по-свойски», а под конец речи с широкой улыбкой извинился за то, что помешал занятиям³⁶. В этом выступлении Хрущева ярко отражаются те особенности, которые были свойственны его поведению на всех официальных встречах и собраниях, не исключая пленумов ЦК. Даже здесь, вместо того чтобы слушать других, он постоянно привлекал внимание к себе — подавал реплики с места, перебивал выступающих (иной раз — до того, как они начинали говорить), подбадривал их, поправлял или язвил³⁷.

В 1939-м на Украине собрали на 21,5 % больший урожай, чем в предыдущем году. Росла производительность донецких угольных шахт, вводились в строй новые заводы. Трудно сказать, какова здесь была заслуга Хрущева; однако и в Киеве, и в Москве главную роль в экономических успехах приписывали ему. В своих воспоминаниях он с гордостью рассказывает о том, как разрешил «загадку автомобильных шин». Поддерживая свой имидж «человека из народа», Хрущев сблизился со своим шофером, Александром Журавлевым, которого его дети называли дядей Сашей. Однажды «дядя Саша» пожаловался на то, что шины советского производства быстро изнашиваются; Хрущев отнесся к этой жалобе так серьезно, словно она исходила от Академии наук, и даже сообщил об этом Сталину, хотя вождь и «не любил, когда мы критиковали что-либо собственного производства».

Сталин в самом деле не любил дурных новостей и «отомстил» по-своему — приказал самому Хрущеву исправить ситуацию. Ответ Хрущева был преисполнен не совсем ложной скромности: «Но ведь я совершенно незнаком с данным видом производства!.. Выпуск шин мне совершенно незнаком». Позднее он вспоминал: «Я, честно говоря, немного побаивался: не знал, сколько это займет времени и смогу ли вообще разобраться в этом вопросе».

Финал истории предсказуем. Хрущев отправился на лучший в СССР завод по производству шин (укомплектованный американским оборудованием), лично ознакомился с производственным процессом, задал кучу вопросов и поставил «диагноз»: шины изнашиваются оттого, что, спеша пе-

ревыполнить норму, рабочие нарушают инструкции по изготовлению — делают шины на один-два слоя резины тоньше. Когда Хрущев сообщил об этом Сталину, тот был «страшно раздражен», однако своему приближенному сказал благосклонно: «Я согласен с вами, давайте ваши предложения, и мы их утвердим».

«Я потому и привел рассказ о данном эпизоде, — заключает Хрущев, — чтобы показать государственный подход Сталина к делу. Он был, конечно, большим человеком, организатором, вождем. Но был он и большим деспотом и поэтому боролся с варварством, встречавшимся в нашей жизни, деспотическими методами»³⁸.

Отправляясь на Украину, Хрущев беспокоился, что местная интеллигенция встретит его враждебно, однако этого не случилось. Напротив, многие, опасаясь за свою жизнь и положение, льстили ему и бесстыдно перед ним пресмыкались. Хрущев, всю жизнь мечтавший заслужить уважение «культурных людей», да к тому же страстно желавший показать Сталину, что в Киеве он настоящий хозяин, стал легкой добычей льстецов.

В 1938 году политика украинизации сменилась на Украине прямо противоположной тенденцией — русификацией. Украинская история подчищалась, в ней подчеркивались эпизоды, свидетельствующие об «исторически сложившихся братских узах между русским и украинским народами». Русский язык вернулся в школы; украинский «обогащали» словами типа «пятисотница» (героическая колхозница, собравшая не меньше пятисот центнеров сахарной свеклы с гектара) и одновременно «вычищали» из него слова, неразрывно связанные с крестьянским бытом, такие, как «постолы» или «очкур» (башмаки на деревянной подошве и веревочный пояс, какие носил в Калиновке сам Хрущев)³⁹.

Хрущев рьяно взялся за русификацию Украины. В 1938 году он громил «польско-германских агентов и буржуазных националистов», которые «делают все, чтобы покончить с русским языком на Украине», и «мерзавцев, которые пытаются изгнать русский язык из украинских школ»⁴⁰. Однако не забывал он и заигрывать с украинскими интеллигентами, которые из-за своего неустойчивого положения жадно ловили знаки внимания со стороны властей. Так, он организовал награждение орденом смертельно больного украинского композитора и, явившись к больному на квартиру, лично вручил ему высокую награду. Согласно свидетельству буду-

шего комсомольского лидера Украины Костенко, интеллигенция восприняла жест Хрущева «как знак благоволения, особенно на фоне всего, что тогда происходило»⁴¹.

Уже через несколько недель после своего прибытия в Киев Хрущев начал налаживать связи с известными писателями. Наиболее выдающимся из украинских поэтов того времени был, пожалуй, Максим Рыльский, родившийся в 1895 году, неоклассицист, в 1917 году организовавший творческое объединение, резко дистанцировавшееся от всевозможных «пролетарских поэтов». Еще в 1925 году Рыльский резко высказывался о коммунистических литературных объединениях, замечая, что они «хороши лишь для бездарей», а в 1931-м подвергся критике как «правый», в чьих произведениях «сильны мотивы националистического волюнтаризма» и «идеализируются кулаки и буржуазия». В том же году Рыльский был арестован и провел полгода в тюрьме; после этого он публично отрекся от своего прошлого и пополнил ряды лояльных литераторов⁴². Сталина он пережил — и за это, пожалуй, следует благодарить Хрущева. В 1938-м, когда Рыльского собирались арестовать, Хрущев напомнил тогдашнему шефу украинского НКВД Успенскому, что поэт — автор знаменитого стихотворения о Сталине, положенного на музыку и ставшего популярной песней. «А вы хотите его арестовать! Этого никто не поймет»⁴³.

Сдружился Хрущев и с двумя другими известными поэтами — символистом Павло Тычиной и неоромантиком Миколой Бажаном. Оба после революции присоединились к объединениям пролетарских писателей, однако сопротивлялись попыткам большевиков руководить «литературным фронтом». Тычину в 1927 году обвиняли в «протаскивании националистического опиума под видом пролетарской литературы», а Бажана в 1934-м — в «несоответствии требованиям рабочего класса». В начале тридцатых подобные обвинения звучали достаточно зловеще. Так, Микола Хвильевый, писатель-коммунист, стремившийся защитить украинскую культуру от российского централистского контроля, в 1933 году покончил с собой. В этом же году «покаялся» Тычина, а в 1934-м — Бажан. Оба принялись воспевать Сталина и были щедро вознаграждены за свое обращение «на путь истинный». Тычина стал главой Союза писателей Украины, а Бажан после войны представлял Украину в ООН.

Бажан не был так близок к Хрущеву, как Рыльский. Однако его вдова Нина, врач по профессии, вспоминает, что знала не только самого Хрущева, но и Нину Петровну, которая приводила детей к ней на прием, и старшую дочь Хру-

щева от первого брака, работавшую лаборанткой в Институте физиологии. Свидетельства о том, как влияло на жизнь Бажанов благоволение Хрущева, можно найти в их шестикомнатной, элегантно обставленной квартире и в семейном альбоме, запечатлевшем поэта с Хрущевым и другими украинскими партийными руководителями⁴⁴.

Говорят, что Тычина и Бажан, решившись продать свой талант сталинизму, испытывали «моральные мучения»⁴⁵. Однако, похоже, никаких мучений не испытывал Александр Корнейчук, с которым также подружился Хрущев. Корнейчук с самого начала ни в чем не отступал от генеральной линии партии; за это он получил немало наград, ведущую роль в Союзе писателей, а после войны — назначение украинским «министром иностранных дел». Из-за его доносов пострадало немало писателей; однако и под ним однажды зашаталось кресло, когда Сталин остался недоволен либретто оперы «Богдан Хмельницкий», написанным им вместе с женой Вандой Василевской. При этом Хрущев оставался для Корнейчуков неизменным другом и защитником.

Кинорежиссер Александр Довженко был предан революции, однако воспринимал ее неортодоксально, по-своему. Его самый знаменитый фильм «Земля» (1930) посвящен коллективизации, которую Довженко изображает в позитивном свете — но не настолько позитивном, как хотелось бы критикам-сталинистам, обвинившим его в «контрреволюционности» и «пораженчестве». Следующий фильм Довженко, «Иван», показавший индустриализацию глазами простого рабочего-днепростроевца, был изъят из проката, так как в нем увидели пропаганду фашизма и пантеизма, а режиссер фильма был уволен с Киевской киностудии⁴⁶.

Боясь, как рассказывал он другу, что его «посадят и съедят живьем», Довженко обратился лично к Сталину, когда-то с похвалой отозвавшемуся о его раннем фильме «Арсенал», посвященном революции и Гражданской войне. Как ни удивительно, меньше чем через двадцать четыре часа всемогущий диктатор принял его лично, представил Молотову, Ворошилову и Кирову «как давнего и хорошего знакомого» и попросил, ни о чем не тревожась, спокойно работать над следующим фильмом «Аэроград» (в котором доблестные советские пограничники защищают новый город Аэроград от проникновения японских шпионов и диверсантов). Так началось двадцатилетнее покровительство Сталина Довженко — странный союз, в котором Сталин выступал в роли персонального критика и цензора, как в свое время Николай I для Пушкина⁴⁷.

Покровительство Сталина обеспечило Довженко высшую награду — орден Ленина⁴⁸. Неудивительно, что Хрущев ценит знакомство с Довженко, с которым впервые встретился в 1934 году в Москве, и, когда в 1938-м тот начал снимать на Киевской киностудии фильм о красном командире Щорсе, проявил к этой работе особый интерес. Консультантом выступил бывший помощник Щорса Иван Дубовой; можно себе представить смятение и Довженко и Хрущева, когда Дубовой был арестован и расстрелян за убийство своего командира. Хрущев оставался близок к режиссеру; еще больше он сдружился с Довженко в 1939 году, после выхода на экраны документального фильма «Освобождение» — об оккупации советскими войсками Западной Украины, в которой Хрущев принимал непосредственное участие⁴⁹.

Больше, чем поэты и режиссеры, Хрущева привлекали ученые и инженеры: с ними он чувствовал себя свободнее, к тому же они могли внести более весомый вклад в экономику региона. Рассказ Хрущева о знакомстве с академиком Патонем полон ностальгии по утраченным возможностям.

«В кабинет вошел плотный человек, уже в летах, весь седой, коренастый, со львиным лицом, колючими глазами. Поздоровавшись, тут же вытащил из кармана кусок металла и положил на стол: “Вот, посмотрите, товарищ Хрущев, что может делать наш институт. Это полосовое железо (кажется, 10-миллиметровой толщины), и я его таким свариваю”.

Посмотрел я сварку. Так как я сам металлист, то со сваркой мне приходилось встречаться. Здесь был просто идеальный шов, внешне гладкий, как литой.

Он говорит: “Это сварка под флюсом”».

Этого термина Хрущев никогда раньше не слышал. Патон объяснил, что такую сварку можно использовать при строительстве мостов и в перекрытиях зданий. «Я был буквально очарован встречей и беседой с Патонем, — рассказывает Хрущев. — Он заставлял считаться с собой и умел влиять на людей, с которыми встречался... Глаза у него буквально горели, и в словах была такая уверенность, что он заставлял и других поверить в свою идею».

По рекомендации Хрущева сварка металла под флюсом была внедрена сначала в промышленность, а затем и в производство танков. Во время войны Патон обратился к своему покровителю с просьбой принять его в партию, несмотря на «старорежимное воспитание» и первоначальную «неприязнь к Октябрьской революции». «Глубоко тронутый» Хрущев передал эту просьбу Сталину, который «тоже был взволнован — а он редко выдавал свое волнение, — и сказал:

«Ну вот и решился Патон, он заслуживает всяческого уважения»⁵⁰.

Как же легко подпадал Хрущев под обаяние харизматических ученых, обещавших чудеса! Какую проявлял сентиментальность, когда ему давали возможность ощутить себя благодетелем! И при жизни Сталина, и после его смерти Хрущеву каким-то образом удавалось четко отделять преступления, совершаемые коммунистической партией, от ее великой цели. Сколько бы крови ни пролилось во имя социализма — стоило Патону объявить о своем «обращении», как на глаза Хрущева навернулись слезы.

Завоевал его сердце и Трофим Лысенко — «босоногий ученый» (как он сам себя назвал в статье, напечатанной в «Правде» в 1927 году и знаменовавшей начало его стремительной карьеры), человек, опровергавший не только Менделя, но и Дарвина, и с легкостью необыкновенной решавший все проблемы советской агротехники. В совершенстве овладев искусством саморекламы, интриганства и очернения соперников, Лысенко сделался «главным советским биологом». В 1940 году Хрущев выступил в защиту очередного смелого плана Лысенко — использования цыплят для борьбы с долгоносиком, поражающим сахарную свеклу. Лысенко заявил по этому поводу, что другие специалисты критиковали его план, однако «верное и своевременное вмешательство Никиты Сергеевича» сразу показало, что он прав, а его оппоненты ошибаются⁵¹.

В июле 1939 года Хрущев назвал Лысенко «прекрасным человеком», возглавляющим «целую школу прекрасных людей»⁵². Псевдонаука Лысенко вполне отвечала большевистскому менталитету. Сталин и его сподвижники не признавали для своих планов ни социально-экономических, ни физических преград; неудивительно, что их привлекало шарлатанство, облаченное в одежды дерзких научных прозрений. Даже истинные ученые поддерживали Лысенко, опасаясь за свою жизнь и карьеру⁵³. Так что поддержка, оказанная ему Хрущевым, не была лишь причудой хрущевского характера. Однако очевидно, что у лидера компартии Украины была и личная причина питать к Лысенко симпатию: он мог уважать Трофима Денисовича, не завидуя его эрудиции.

Вскоре после прибытия Хрущева в Киев Молотов предложил назначить его заместителем председателя Совнаркома. От этого предложения (очевидно, не вполне серьезно-

го — иначе его поддержал бы Сталин) Хрущев отказался, заявив, что на Украине он нужнее. Была тому и личная, эгоистическая причина: на Украине Хрущев мог наслаждаться культом собственной личности⁵⁴.

Краткая биография, опубликованная по случаю вступления Хрущева в должность, описывает его в таком ключе: он «показал высокую принципиальность, беззаветную преданность партии Ленина—Сталина, умение упорно и до конца проводить начатое дело. Большевистская прямота, чуткость, исключительная скромность — характерная черта этого сталинца»⁵⁵. «Правда Украины» выражала «безграничную радость» по случаю избрания Хрущева в декоративный Верховный Совет СССР, располагавшийся в Москве. По словам заместителя Хрущева Демьяна Коротченко, только «лучший сын нашего народа, безупречный большевик, донецкий шахтер Никита Сергеевич Хрущев» сумел «разгромить троцкистско-бухаринских врагов и их союзников — украинских националистов»⁵⁶. Коротченко был классическим «Молчалиным». «На заседаниях [украинского Политбюро] он всегда молчал, — рассказывает Василий Костенко. — Молчание было его козырем. Он дожидался, пока Никита Сергеевич что-нибудь предложит, и восклицал: “Да, да, конечно, совершенно верно!”»⁵⁷

Лицо и фигура Хрущева (в то время еще относительно стройная) постоянно мелькали в украинской прессе. Вот он, в заливчатски заломленной набок кепке, принимает парад физкультурников; вот в украинской вышитой рубаше заседает в Верховном Совете Украины; вот он рядом со Сталиным и Ждановым на неформальном групповом портрете. Вот снимок, который должен был особенно нравиться Хрущеву: на нем Хрущев запечатлен вместе с делегатами XIV съезда компартии Украины, совсем так же, как всего десяток лет назад шахтеры из города Сталино, среди которых был и он сам, были удостоены сняться вместе с вождем⁵⁸.

23 декабря 1939 года первые полосы украинских газет обошел снимок, на котором Хрущев разговаривает с Молотовым, а Сталин благосклонно слушает их беседу. 12 мая 1940-го еще один снимок почти во всю страницу показывает нам, как Хрущев, с блокнотом и карандашом наготове, выслушивает указания Сталина. А тремя днями спустя мы видим Хрущева на трибуне — он выступает на XV съезде КП(б)У. В «Правде» и «Известиях» подобным образом дозволялось изображать только Сталина — но на Украине Хрущев сделался «Сталиным» местного масштаба.

Неумеренное восхваление вождей «второго ряда» было в сталинские времена обычным делом; Хрущев, по всей видимости, искренне этим наслаждался. Кинохроника запечатлела награждение его орденом Красного Знамени, состоявшееся в Кремле в 1939 году. Мы видим, как Хрущев идет по красному ковру, как принимает награду из рук официального главы государства Калинина, как пожимает ему руку и произносит короткую речь. При покадровом просмотре хорошо видно, что Хрущев смотрит на награду в руках Калинина голодным взглядом, словно хищник на добычу. Получив наконец заветное сокровище, он с облегчением расплывается в улыбке и на миг от восторга прикрывает глаза. Затем, глубоко вздохнув, решительным шагом поднимается на трибуну и начинает говорить, помогая себе энергичными взмахами руки.

Второй эпизод кинохроники относится к XVIII съезду партии, состоявшемуся в марте 1939 года; тогда Хрущев привез с собой всю семью, остановившись в прежней московской квартире. На экране мы видим, как члены Политбюро собираются в зале, где им предстоит фотографироваться с заслуженными делегатами. Когда вожди входят, Хрущева от Сталина отделяют несколько человек; но к тому времени, как они начинают рассаживаться, он ухитряется протиснуться к вождю и занять место рядом с ним. Молотов и Каганович, которых Хрущев буквально оттирает, кажется, не возражают; Сталин мрачен и погружен в свои мысли. Устроившись на соседнем стуле, Хрущев победоносно улыбается, затем тревожно оглядывается кругом — не обидел ли он кого? Дружески подтолкнув Молотова и Кагановича локтем, он обводит комнату довольным взглядом и вновь расплывается в улыбке.

1939 год принес новые треволения. За знаменитым Пактом о ненападении, заключенным с фашистской Германией, и началом Второй мировой войны последовала советская оккупация Западной Украины и Западной Белоруссии. Хрущев принимал в этом активное участие — что говорит не в его пользу, ибо аресты и депортация сотен тысяч жителей присоединенных территорий лежат и на его совести.

В дипломатических маневрах, предшествовавших заключению пакта, Хрущев не участвовал. Однако во второй половине августа 1939 года ему случилось быть в Москве, где он руководил организацией работы украинского павильона на ВСХВ. О визите германского министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа Хрущев узнал накануне его при-

бытия. Сталин с удовольствием поделился этой новостью со своим ничего не подозревающим приближенным. «Смотрит он на меня и улыбается, выжидает, какое эта новость произведет на меня впечатление? Я тоже на него смотрю, считая, что он шутит: чтобы к нам да прилетел Риббентроп? Что он, бежать из Германии собирается, что ли?»⁵⁹

Неудивительно, что на переговоры Хрущева не пригласили. 23 августа он вместе с Маленковым, Ворошиловым и Булганиным отправился на охоту. Хрущеву уже случалось охотиться под Москвой, но на этот раз он впервые попал в закрытое охотничье угодье Завидово. «Хорошо, поезжайте, — сказал ему Сталин. — Я с Молотовым приму Риббентропа и послушаю, а потом вы приезжайте с охоты, я расскажу, каковы цели Гитлера и каков результат разговора».

И три десятилетия спустя Хрущев вспоминал об этой охоте с неподдельным восторгом. Совсем рядом решались судьбы мира — а он, позабыв обо всем, наслаждался жизнью. «Поохотились мы, погода была чудесной, тепло, сухо, охота прошла очень удачно. Прошу не понимать меня как некоего типичного охотника-хвастуна. Но мне действительно удалось тогда убить на одну утку больше, чем Ворошилову. Почему об этом говорю? Да потому, что везде у нас тогда гремело: “Ворошиловские стрелки”. Ворошилов, дескать, стреляет из винтовки и из охотничьего ружья лучше всех»⁶⁰.

Хрущев знал, что после охоты Сталин позовет их на ужин, и «повез с собой уток, как говорится, для общего котла. Я похвалился своими охотничьими успехами. Сталин был в хорошем настроении, шутил».

Пакт Молотова — Риббентропа с секретным протоколом, в котором двое диктаторов договорились об очередном разделе Польши, повлек за собой ужасные последствия для жителей Западного края. Правда, при польском правительстве национальным меньшинствам — русским, украинцам и белорусам, проживавшим на этих территориях, — приходилось очень несладко; но их беды под польским владычеством нельзя сравнить с тем террором, который обрушился на новых граждан СССР после присоединения к Советскому Союзу.

В событиях, последовавших за вводом войск на Западную Украину, Хрущев играл ключевую роль. Сталин неусыпно наблюдал за ним, ставки были высоки, время — дорого. В аннексии новых территорий СССР стремился соблюсти видимость демократии. 22 сентября советскими войсками был

занят Львов, крупнейший город Западной Украины, — а уже 26—27 октября «свободно избранные» национальные собрания Западной Украины и Белоруссии обязали своих представителей подать просьбу о присоединении к СССР. 1 ноября Верховный Совет СССР принял их прошения, вызвав в ответ такие выражения благодарности Сталину: «Из царства тьмы и бесконечных страданий, в которых прозябал народ Западной Украины шестьсот долгих лет, мы переходим в сказочную страну свободы и счастья народа»⁶¹.

Такое чудо удалось сотворить Хрущеву за неполных два месяца. Советская пресса превратила аннексию Западного края в настоящее шоу — и звездой этого шоу стал Хрущев. В одном городе неподалеку от новой советско-германской границы, узнав, что один из слушателей его выступления — слесарь, он воскликнул: «Ну а я тоже слесарь!» — чем вызвал «восторженные возгласы и аплодисменты» толпы⁶². На кадрах кинохроники мы видим, как Хрущев вместе с маршалом Семеном Тимошенко, командующим Киевским военным округом, приветствует радостных поселян: на Хрущеве френч и военная фуражка, которые он носит с явной гордостью, не смущаясь даже тем, что на фоне высокого статного Тимошенко смотрится непрезентабельно. Обращаясь к толпе с речью, Хрущев заламывает фуражку, озорно улыбается в ответ на аплодисменты, а затем, когда слово переходит к Тимошенко, слушает его, выпрямившись и заткнув большие пальцы за пояс. Далее мы видим, как высокие гости стоят кружком и разговаривают: все, кроме Хрущева, — с сигаретами. А вот они в сопровождении охраны идут к черным правительственным автомобилям, и Тимошенко уступает дорогу Хрущеву, позволяя ему сесть в машину первым.

В фильме Довженко «Освобождение» присоединение новых территорий изображается в стиле Лени Рифеншталь, в красочных образах, отражающих победу добра над злом. Злобная буржуазия, прежде властвовавшая на этих землях и угнетавшая народ, теперь подметает улицы. Польскую помещицу, безобразную старуху, выкидывают из дома. Пленные польские солдаты, едва держась на ногах, плетутся к желанной свободе. Бравурные крестьянские пляски... монахи, голосующие за советскую власть... И красной нитью проходит через фильм образ Хрущева — вот он выступает перед людьми, вместе со всеми поет осанну Сталину, наслаждаясь хорошо отрежиссированным «народным признанием».

В некоторых случаях Хрущев старался смягчить репрессии, обрушившиеся на новых граждан СССР. Хотя в 1938 го-

ду Сталин распустил компартии Польши и Западной Украины, на выборах 1939-го Хрущев использовал их бывших членов в качестве добровольных организаторов. Он старался замедлить темп коллективизации и раскулачивания на новых землях (впрочем, завершить то и другое советская власть не успела — до начала войны оставались считанные месяцы)⁶³. Однако и тридцать лет спустя оккупация вызывала у него искренний восторг. Он приветствовал объединение Западной и Восточной Украины⁶⁴, радовался расширению территории СССР и укреплению западной границы. Когда крестьяне из недавно созданного колхоза запели на собрании «Интернационал», он испугался, что они не смогут допеть до конца. «И только представьте, — восклицал он, — они знали все слова и прекрасно спели все до последнего слова!» Проблемы, если верить Хрущеву, возникали только с образованными поляками, не понимавшими, чем может обогатить их советская культура. «Воспитанные на буржуазных традициях... эти люди как бы теряли свою самобытность, свое лицо. Они не могли понять, что польская культура и польская нация продолжают развиваться на территории, отошедшей к Советскому Союзу»⁶⁵.

С особым наслаждением Хрущев «воспитывал» и поучал чиновников низшего звена — простых, грубых людей, очень похожих на него самого в молодости. Однажды, будучи во Львове, он зашел к партийному функционеру, переаттестовавшему бывших чиновников городского муниципалитета. У него, рассказывал Хрущев, «из шинели торчало два револьвера. Одним словом, только пушки недоставало у него за плечами, потому что слишком тяжела. Люди сидели и смотрели на него». Хрущев прочел чиновнику целую лекцию о том, как должен вести себя настоящий коммунист: «Вы производите плохое впечатление не только насчет себя, но и о советских органах власти, о всех наших людях, о нашей трусости. Что вы сделаете вашими пистолетами, если кто-нибудь из террористов придет и захочет вас убить? Он застрелит вас вашими же пистолетами. Зачем вы их демонстрируете? Почему у вас торчат рукоятки? Спрячьте их в карманы и оденьтесь поприличнее»⁶⁶.

Теперь Хрущев имел возможность распекать и более высокопоставленных фигур. НКВД отправил на Западную Украину двух агентов (один из них потом прославился под именем полковника Рудольфа Абея — советского шпиона, арестованного ЦРУ в 1957 году) для вербовки этнических немцев, которым, согласно секретному протоколу Молотова — Риббентропа, разрешалось вернуться в Германию. Один

агент пропал, и Хрущев не стеснялся в выражениях, объясняя Берии, что думает о тех, кто посылает на задания некомпетентных работников. Павел Судоплатов, находившийся в это время в кабинете Берии, рассказывает: «Благодаря высокочастотной телефонной линии я слышал его голос в трубке, даже сидя с другой стороны стола». Когда трубку взял сам Судоплатов, Хрущев «не потрудился меня выслушать... оборвал... а затем... бросил трубку»⁶⁷.

22 сентября 1939-го в деревне неподалеку от Львова Хрущев, потрясая кулаками, бранил генералов НКВД за поведение их подчиненных. С одной стороны, они ничего не делают: «Какая это работа — ни одного расстрелянного!» С другой — пытаются командовать партийцами: «Знаем мы, как ваши работники стараются подмять партийное руководство под себя!» Докладывая об этом Берии в Москву, глава украинского НКВД Иван Серов добавлял, что Хрущев — «человек высокомерный, не прочь разыграть демократа, ему страшно нравится, когда окружающие льстят ему...»⁶⁸. Но интереснее всего вопиющая противоречивость желаний Хрущева: он требует одновременно, чтобы энкавэдэшники больше расстреливали и давали ему больше свободы действий.

Распекая и поучая подчиненных, Хрущев с удовольствием выслушивал потоки лести, изливаемые на него, например Александром Корнейчуком и его будущей женой, писательницей Вандой Василевской. Василевская бежала на восток из оккупированной Варшавы — как раз вовремя, чтобы помочь советской власти в агитации своих земляков-поляков, проживавших в Западном крае. «У меня, — вспоминал Хрущев, — остались добрые воспоминания об этой женщине, большой общественнице, преданнейшем гражданине, человеке неумолимой честности и прямоты. За это я ее весьма уважал». Далее он добавляет: «Сама она из знатного польского рода. Она была дочерью того Василевского, который в правительстве Пилсудского был министром, а кроме того, его ближайшим другом... Ходили слухи, что Ванда Львовна — крестная дочь Пилсудского». С увлечением рассказывает Хрущев о том, как Василевская бежала из Варшавы пешком, «в коротком полушубке и простых сапогах»⁶⁹. Некоторое время спустя при помощи Хрущева она стала заместителем председателя Совета министров Украины.

Розовые воспоминания Хрущева достигают кульминации в описании собрания, принявшего постановление о присоединении Западной Украины к Советскому Союзу. Когда украинские делегаты собрались во Львове, «я не услышал ни

одного оратора, который выражал бы хотя бы сомнение в том, что у них должна быть установлена советская власть. Они с радостью, с пафосом заявляли, что их заветная мечта — быть принятыми в состав Советской Украины». Когда Верховный Совет СССР ответил на эту просьбу согласием, Хрущев ощутил «гордость», поскольку именно он «от начала до конца находился в западных областях Украины и организовывал все дело». «Не стану скрывать, — замечает он, — для меня это было счастливое время». И с легкостью, от которой захватывает дух, добавляет: «И в то же время мы продолжали арестовывать людей. Нам казалось, что эти аресты послужат укреплению Советской власти и расчистят путь к построению социализма на марксистско-ленинских принципах»⁷⁰.

Была у Хрущева и еще одна забота — управляя Украиной, он стремился расширить круг могущественных друзей и завести новые связи. В 1940 году, когда Красная Армия «освободила» от румынской оккупации Бессарабию, Хрущев вместе с маршалом Тимошенко отправился через румынскую границу в родную деревню Тимошенко Фурманку. Тимошенко, кавалерийский офицер, был выходцем из деревни; по замечанию Микояна, он «никаких книг никогда не читал»⁷¹. Имела ли эта поездка какие-то военные цели, неизвестно; очевидно только, что она стала для Хрущева великолепным развлечением. В своих воспоминаниях он охотно и оживленно делится подробностями своего путешествия, рассказывает о бородатом крестьянине, ругавшем на митинге румынских офицеров: «Я давно не слышал такой отборной, неповторимой русской ругани», и о застолье с родственниками Тимошенко, длившемся всю ночь: «“Как, — спрашиваю, — маршал? Спит или встал?” — “Маршал еще и не ложился”»⁷².

Особенно восхищался Хрущев молодым военным командиром Жуковым, принявшим командование Киевским округом в 1940 году, когда Тимошенко стал наркомом обороны. Понравилось ему, как на учениях в Харькове в 1940-м танкист Дмитрий Павлов «буквально летал по болотам и пескам». Но, когда Павлов вышел из танка и заговорил, Хрущев с чувством превосходства отметил, что танкист «мало-развит» и «со слабой подготовкой»⁷³. У Михаила Кирпоноса, позднее занявшего место Жукова, «не было опыта руководства таким огромным количеством войск». А Льва Мехлиса, к которому Хрущев во времена Промакадемии «относился с уважением», он теперь считал «сумасбродным»⁷⁴.

Лучшими друзьями Хрущева в Кремле были Маленков и Булганин. Маленков разделял страсть Хрущева к охоте. Булганин как-то осмелился заметить при нем, что читать передовицы «Правды» незачем — все они одинаково предсказуемы и бессодержательны⁷⁵. Внешне верные сталинцы сохраняли между собой хорошие отношения; однако зависть и взаимное недовольство росли, и Хрущев здесь не был исключением. На пленуме ЦК в феврале 1939 года, вспоминал он, «каждый старался покритиковать других». Сам он критики в свой адрес избежал, получив лишь одно, довольно несерьезное обвинение — в том, что поощряет «всех в Московской парторганизации называть его Никитой Сергеевичем»⁷⁶.

Хрущев в самом деле предпочитал, чтобы к нему обращались запросто, по имени-отчеству: это отражает его приземленный, популистский стиль. По мнению Хрущева, его кремлевские коллеги были слишком оторваны от народа. Ворошилов «только красовался на праздниках в военной форме, а состоянием армии и ее оснащенностью не интересовался». Вместо того чтобы готовиться к войне, он «улыбался перед фотоаппаратами и киноаппаратами». Кроме того, он «прославился как ценитель и знаток оперы. Помню, однажды при мне заговорили о какой-то оперной певице, и жена Ворошилова, закатив глаза, проронила: “Климент Ефремович о ней не лучшего мнения”»⁷⁷.

Хрущев, разумеется, тоже водил дружбу с писателями и артистами, не говоря уж о позировании перед кинокамерой Довженко. Но больше всего ценил он приглашения на дачу к Сталину во время своих поездок в Москву в 1938-м и 1939-м. «В те времена с ним всегда приятно было встречаться, послушать, что нового он расскажет, доложить ему. Он всегда рассказывал что-либо подбадривающее или разъяснял то или другое положение. Одним словом, выполнял свои функции руководителя и вождя, беседовать с которым каждому из нас (я, во всяком случае, говорю о себе) было приятно»⁷⁸. Далее он добавляет: «Всегда было легче откровенно говорить с ним с глазу на глаз»⁷⁹. Однако к этому времени Хрущев уже начинает разочаровываться в Сталине.

Хрущев никогда не сомневался, что финская война 1939—1940 годов была вызвана «нашим желанием обезопасить себя». Не смущало его и то, что «война обошлась нам, может быть, даже в миллионы жизней». Беспокоили его лишь «стратегические просчеты с нашей стороны». В первый день войны он был в Москве. Сталин «был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны в послед-

нюю минуту примут наши предложения»⁸⁰. Однако Финляндия предпочла сопротивление.

Война затягивалась, солдаты гибли, и между главой страны и наркомом обороны возникли разногласия. Сталин «очень разнервничался, встал, набросился на Ворошилова» за поражения в Финляндии. Ворошилов «вскипел, покраснел, поднялся и в ответ на критику Сталина бросил ему обвинение» и даже «схватил тарелку, на которой лежал отварной поросенок, и ударил ею об стол»⁸¹. От этой сцены у Хрущева остался неприятный осадок, которого не смягчила даже отставка Ворошилова.

Неподготовленность Москвы к войне стала очевидна лишь 22 июня 1941 года. Но еще до этого, уверяет Хрущев, он начал догадываться, что за показной самоуверенностью Сталина скрывается страх. Впервые Хрущев заметил этот страх в 1940-м, когда Германия оккупировала Париж. Тогда Сталин «очень нервно выругался в адрес правительств Англии и Франции за то, что они допустили разгром своих войск». Кроме того, у Сталина появилась привычка собирать гостей у себя на даче и не отпускать их допоздна, «я думал, чтобы в этой компании как-то отвлечься от мыслей, которые его беспокоят». До 1940—1941 годов, по рассказу Хрущева, на этих дачных вечеринках он был свободен пить или не пить: если он отказывался, Сталин не настаивал, «и мне это нравилось». Но той зимой Сталин «стал пить, и довольно много пить, причем не только сам, но и стал спаивать других». При поддержке Берии, стремившегося развязать гостям языки, Сталин держал их на даче до рассвета: они якобы обсуждали дела, но реально «сидишь другой раз у него и ничего не делаешь, а просто присутствуешь на всех этих обедах, которые стали противными, подрывали здоровье, лишали человека ясности ума и вызывали болезненное состояние головы и всего организма». Всякий, кто отказывался пить, подвергался «штрафу» — дополнительной порции крепкого напитка. «А потом, — рассказывает Хрущев, — человека, который пил “в шутку”, заставляли выпить всерьез, и он расплачивался своим здоровьем. Я объясняю все это только душевным состоянием Сталина»⁸².

Не в последнюю очередь Киев был привлекателен для Хрущева тем, что здесь он мог жить, как ему нравилось. Семья Хрущева разместилась в элегантном особняке (до революции здесь обитал богатый сахарозаводчик) с коваными воротами, подъездной аллеей, усаженной рядами высоких

деревьев, широкой лестницей, начинающейся прямо от входной двери, огромным роялем в гостиной и большим садом, окруженным высокой зеленой стеной⁸³.

Еще великолепнее была загородная вилла Хрущева, располагавшаяся в пятидесяти километрах от Киева, на восточном берегу Днепра. Прежде на этом месте стоял монастырь. Хрущев жил здесь в большом кирпичном доме; его помощники, Михаил Бурмистенко и Леонид Корниец, занимали два дома по соседству. Из дачного поселка под названием Межгорье открывался захватывающий вид на реку и острова. На поблекших от времени фотографиях из семейных альбомов Хрущевых мы видим широкую каменную террасу, уступами спускающуюся к песчаному пляжу. Алексею Аджубею, впервые попавшему в Межгорье после войны, запомнился сад, полный вишен, яблонь и слив. Рада Аджубей вспоминала нескончаемый поток гостей, в том числе артистов Киевского оперного театра⁸⁴.

К особняку в Киеве и вилле на Днепре прилагался многочисленный обслуживающий персонал — охранники, повара, шоферы. Нина Петровна впервые узнала об этом на одном из редких приемов для партийных и государственных руководителей и их жен, устроенном Сталиным, пока Хрущевы были еще в Москве. Она сидела рядом с женой Станислава Косиора. Зашел разговор о кухонной утвари, Нина Петровна попросила совета — что ей взять с собой в Киев. Жена Косиора откровенно изумилась. Оказалось, рассказывает Нина Петровна, что на кухне в киевском особняке ее уже ждет «столько и такой посуды, какой я никогда даже не видела. Так же и в столовой... Так мы начали жить на государственном снабжении: мебель, посуда, постели — казенное, продукты привозили с базы, расплачиваться надо было один раз в месяц по счетам»⁸⁵.

Обосновавшись в Киеве, Хрущев сохранил за собой и московское жилье, еще более роскошное, чем прежняя квартира в Доме на набережной. Новая московская квартира располагалась всего в двух кварталах от Кремля, на тихой красивой улице Грановского, в массивном пятиэтажном здании с просторным внутренним двором, обсаженным деревьями. Здесь были три спальни для детей, одна — для их родителей, две комнаты для гостей, кухня, гостиная (она же столовая), кабинет Хрущева и большая ванная. В квартире напротив в 1940 году поселился Булганин со своей семьей. Маленковы жили прямо под Хрущевыми, на четвертом этаже. На улице Грановского Хрущев жил во время своих визитов в Москву до войны и позже, в военное время.

Словом, материальное положение семьи Хрущевых лучше и быть не могло. Однако семейные проблемы давали о себе знать и теперь. Некоторые из них были связаны с растущим кланом Хрущевых. Отец Хрущева умер от туберкулеза в 1938 году, но мать была еще жива. Вместе с его семьей жили родители Нины Петровны, которых она в 1939 году вывезла из оккупированной нацистами Польши⁸⁶, ее племянник и племянница, Вася и Нина, которых она тоже вытаскивала из родной деревни. Разумеется, здесь же жили и дочь Хрущевых Рада, которой в 1938 году исполнилось девять, и трехлетний Сережа, и годовалая Лена. Добавьте к этому детей Хрущева от первого брака — двадцатитрехлетнюю Юлию, переехавшую с отцом в Киев, и двенадцатилетнего Леонида, делившего время между Киевом и Москвой.

Вести дом и хозяйство в таком семействе было, конечно, нелегко. Хрущев был поглощен работой, а младшие дети часто болели. Весной 1941 года Сергей слег с туберкулезом, давшим осложнение на ноги. Следующие два года ему пришлось провести неподвижно в гипсе: только верхняя часть тела, руки и одна ступня оставались свободными. Той же весной Юлия, тоже заразившаяся туберкулезом, перенесла операцию на легких⁸⁷.

Нина Петровна была заботливой хозяйкой и строгой матерью. По словам Рады, она «считала заботу о семье своим партийным долгом и ввела в семье партийные порядки». Она «держала у себя в руках» зарплату мужа (хотя все нужды семьи оплачивались государством), ввела режим строгой экономии, «ничего не выбрасывала» («после ее смерти мы нашли горы старых платьев и свитеров, латаных-перелатаных»), тщательно следила за школьными успехами своих детей, особенно Рады. «У нее были суровые партийные принципы, — рассказывает Рада. — Маме всю жизнь было тяжело со мной, а мне с ней, хотя мы очень любили друг друга»⁸⁸.

Однажды, еще до болезни, маленький Сережа бросил на пол кусок хлеба. Мать дала ему пощечину, а отец (он в тот день был дома) выволок Сергея из-за стола и приказал: «Подними!» Как посмел Сережа швыряться хлебом, который так тяжело достается простым людям?! От больших детей — и неприятности больше; Леня огорчал мачеху более серьезными проступками — курил, несмотря на прямой запрет отца, брал вещи без спросу и забывал их возвращать. Он «не признавал авторитета Нины Петровны», рассказывает Любовь Сизых, вышедшая замуж за Леонида в 1938 году. Мать Хрущева, Ксения Ивановна, открыто принимала сторуку любимого внука. В довершение всего Леонид рассо-

рился с родной сестрой Юлией, с которой они не ладили с детских лет, поскольку Юля имела обыкновение жаловаться Нине Петровне на его шалости. В 1940 году, когда у Леонида родилась дочь, Люба хотела назвать ее Юлией, но муж воспротивился — пусть сестра не воображает, что это в ее честь! Девочку совсем было собрались назвать Иоландой, в честь знакомой киноактрисы, но тут запротестовала Ксения Ивановна, потребовав, чтобы правнучку назвали по-русски и по-христиански. В конце концов сошлись на «Юлии»⁸⁹.

Характером Люба очень походила на своего мужа — «озорника» и «сорвиголову». Ее отец, банковский служащий, был глубоко религиозен и порвал с дочерью, когда она стала комсомольской активисткой. Если бы они не поссорились тогда, вспоминала она, это случилось бы чуть позже, когда она увлеклась воздухоплаванием — хотя именно ее полеты, о которых много писала пресса, помогли ей в конце концов помириться с отцом.

На фотографиях в семейном альбоме перед нами предстает красивая, жизнерадостная молодая женщина в летной форме. Неудивительно, что она привлекла внимание Леонида Хрущева, который окончил летную школу и работал в Киеве инструктором аэроклуба. Он был высок и хорош собой, в первый же вечер отвез ее домой на машине, а на следующий день явился с веткой цветущей сирени. После этого они почти не расставались. «Никогда я не встречала такого обаятельного мужчину», — рассказывает Люба⁹⁰.

Однако, при всех комсомольских и человеческих достоинствах Любы, было и у нее пятно на биографии. Как-то раз «подруга» обнаружила у нее в комнате перепечатку статьи Троцкого «Уроки Октября». Любу исключили из комсомола, правда, два месяца спустя восстановили (к подобным прегрешениям молодых людей власть относилась не слишком строго); однако для семьи Хрущева опасна была даже тень подозрения в связи с троцкизмом.

Неизвестно, знал ли Никита Сергеевич Хрущев о прошлом Любы во время их первой встречи. Он попросил сына вечером привести Любу к ним домой и подождать его возвращения. Вернувшись домой около полуночи, Хрущев сел за стол вместе с Леней, Любой и сестрой Лени Юлией. Нину Петровну не пригласили. Леонид не желал знакомить невесту с мачехой. Во время семейного ужина Нина Петровна вошла, взяла из посудного шкафа тарелку и молча вышла, даже не поздоровавшись с Любой.

За знакомством последовали совместные походы в театр, а затем — и приглашения в Межгорье. Люба особенно сдру-

жила с Ксенией Ивановной. После свадьбы Леонид и Люба поселились в квартире Хрущева в Москве; там они оживленно справляли Новый, 1939 год — это празднование запечатлено на пленке. На одном из снимков мы видим компанию молодых людей: две девушки и один юноша выглядят относительно трезвыми, но еще один гость хлещет водку прямо из бутылки, второй, кажется, вот-вот рухнет лицом в салат, а сама Люба, в центре группы, возлежит на диване в картинной позе, с бутылкой шампанского в руке и широчайшей улыбкой. Позднее Люба уверяла, что гости вообще не были настолько пьяны, что это шутка. Но Хрущев-старший таких шуток не понимал — тем более что дурное поведение родственников могло его скомпрометировать.

— Что это такое?! — кричал он. — Как ты себя ведешь?! Как ты можешь так себя вести? Комсомолка ты или нет? Позор! Как тебе не стыдно?!

Хрущев был вспыльчив, но отходчив: он не мог долго сердиться ни на сына, ни на невестку, и скоро возобновились их душевные беседы с Любой на кухне.

Много лет спустя Люба припомнила еще один семейный инцидент. Хрущев, Леонид, Люба и Толя, ее сын от первого брака, приехали в Москву из Киева в личном вагоне Хрущева. Хрущев просил, чтобы прибывший за ним черный лимузин подождал родных, однако из соображений безопасности охрана настояла на немедленном отъезде. Позже, когда Леонид и Люба приехали домой, они услышали, как Хрущев кричал на начальника охраны: «Где мои дети? К чему все эти ограничения? Почему я не имею права подождать детей?»